

ЖЮРИ ПРИСЯЖНЫХ, СУДЬИ И СУДЕБНЫЙ ВЕРДИКТ В РАННЕСРЕДНЕВЕКОВОЙ АНГЛИИ: НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ

А. Ю. Золотарев

Институт экономики и права (г. Воронеж)

В истории английского права, пожалуй, нет темы более значимой для англичан, чем вопрос о происхождении суда присяжных, или суда жюри (trial by jury). Один из первых историков английского права У. Блэкстоун (1723–1780) писал: «Свободы Англии не могут не существовать, пока этот палладиум [жюри присяжных] остается священным и неприкосновенным» [1]. Для самого Блэкстоуна вопрос о происхождении суда присяжных был ясен: его ввел король Альфред, которому Блэкстоун приписывал авторство основ английской конституции. Нормандские завоеватели, пришедшие из Франции, «страны тиранов», временно его уничтожили, но он возродился, окончательно вернувшись к своей исконной форме в период реставрации Карла II [2].

Век спустя «саксонское народное» происхождение жюри было поставлено под сомнение, как в самой Англии, так и за ее пределами. Г. Бруннер обосновал романистско-государственническую версию формирования коллегии присяжных как продукта деятельности франкского государства по составлению кадастровых переписей и контролю доходов фиска, каковая практика существовала еще в период поздней империи. По мнению Бруннера, в Англию жюри было импортировано нормандскими королями, будучи окончательно оформлено ассизами Генриха II [3]. Если для Блэкстоуна жюри присяжных изначально имело судебные функции, то, по Бруннеру, оно только свидетельствовало правовые факты и местные обычаи. Точка зрения Бруннера с некоторыми оговорками была поддержана такими крупными историками английского права, как Ф. Мэйтленд и У. Холдсворт [4].

С середины XX в. английская историография вновь совершила переход на германистские позиции, на этот раз подкрепленные данными скандинавских источников, которые ранее были плохо известны. Скандинавская версия происхождения жюри присяжных была предложена еще П. Виноградовым [5]. В дальнейшем его точка зрения была поддержана Ф. Стентоном, Д. Стентон и Р. Тернером, хотя все они допускали, что коллегия присяжных могла иметь также и второй источник – франк-

ский [6]. Так, Тернер считал, что жюри по уголовным делам имело корни в скандинавской и древнегерманской практике, а по гражданским – как в поздних англосаксонских, так и во франко-нормандских институтах [7].

Развитие зарубежной медиевистики в последние 30 лет протекало под знаком романистических концепций. Это не могло не сказаться и на вопросе о суде присяжных. Причем романизм в приложении к данному вопросу развивается исследователями в двух направлениях. Так, Р. ван Канегем указывает на источники жюри присяжных в праве римско-католической церкви [8], а П. Уормальд – на то, что этот институт был заимствован англосаксами с Континента еще в каролингскую эпоху [9]. Наконец, для некоторых исследователей оказалось возможным встать на совершенно особую позицию. Коллегии присяжных и им подобные институты в разных странах появились совершенно независимо друг от друга; их схожесть объясняется схожими характеристиками, которыми обладали породившие их общества. В этих обществах, состоявших из множества мирков, подчас разделенных днями пути по непроходимым чащам и болотам, как знание конкретных фактов (например, границ участков, их владельцев), так и репутация человека (например, обвиненного в преступлении) базировались на коллективном мнении локального сообщества, «лучших» его представителей [10].

По моему мнению, последняя точка зрения наиболее близка к истине. Во многих странах и областях раннесредневековой Европы существовали институты, похожие на жюри присяжных [11]. Между ними были различия, но касались они деталей. Еще раз исследовать вопрос о происхождении этого института – значит снова отдать дань «идолу истоков», процедура, воздерживаться от которой неоднократно призывал историков М. Блок [12]. В данной статье мне хотелось бы рассмотреть не менее значимый для социальной и правовой истории средневековья вопрос: какое влияние присяжные, судебные заседатели имели на принятие судебных решений. В чьих руках находился суд?

Д. М. Петрушевский, следуя, вероятно за Мэйтлендом и за теми, кто изучал франкский суд Мерovingской эпохи, утверждал, что англосаксонский суд, включая совет высшей знати (уитенагемот), до самого нормандского завоевания оставался судом народным. Это определение использовалось в трех смыслах: во-первых, суды были прямым продолжением народных собраний древних германцев; во-вторых, решения в судах принимались совершенно независимо от присутствовавших там представителей власти, которые исполняли лишь фискальные функции, а также имели особые полномочия на тот случай, если преступника никакими способами нельзя было призвать к ответу; в-третьих, эти решения принимались на основе знания местного обычая и обычного права, каковым (знанием) обладали представители народа [13].

Все предложенные тезисы вызывают определенные возражения.

Во-первых, сама система судебных учреждений в Англии в X–XI вв. была продуктом целенаправленной деятельности королевской власти. Судебные собрания широв (графств), сотен в том виде, в котором они представлены в источниках – все это порождения государственной власти, которой они служили. Эти суды, как и в эпоху военной демократии, приговаривали преступников к выплате штрафов и вергельдов [14]. Но теперь значительная часть этих штрафов и вергельдов шла не потерпевшему и его родственникам, а королю [15].

Во-вторых, данные источников заставляют нас подозревать, что королевские агенты были не только пассивными наблюдателями, которые ждали, когда же будет вынесен приговор, чтобы взять причитающуюся королю долю штрафов и пошлин и уехать восвояси. Довольно часто законодательные тексты именуют судьями (*deman*) именно королевских агентов (элдорменов, гереф) [16]. В этом же смысле употреблял слово «*iudex*» Ассер [17]. А указ Эдуарда Старшего прямо говорил: «Король Эдуард предписывает всем своим герефам, что бы вы провозглашали свои решения так справедливо, как можете, и в соответствии с тем, что написано в “Книге законов”» [18]. Сказанное справедливо как для местных судов, так и для уитенагемота. О вмешательстве короля в правосудие уже было сказано достаточно. Так или иначе, он определял исход процесса. Разумеется, в некоторых случаях он выглядел отстранившимся от слушаний. Но можем ли мы поверить королю, если это были как раз те дела, в исходе которых он был чрезвычайно заинтересован [19].

Нет оснований сомневаться, что элдормены и шерифы в пределах своей компетенции также пользовались и злоупотребляли властью, как и король [20]. Однако, как и королевская власть, она не была безграничной: столкновения с местными магнатами могли окончиться поражением [21]. Кроме того, как короли нуждались в уитенагемоте, чтобы управлять страной, точно также элдормены и шерифы нуждались в административной кооперации с местной элитой. Причем потребность в соучастии в управлении здесь была, пожалуй, еще большей, чем на общегосударственном уровне: тэны и зажиточные крестьяне заменяли не только армию и полицию, но и канцелярию с архивами, поскольку в огромном большинстве случаев единственным источником знаний о юридических фактах была коллективная память локального сообщества, а не документы [22]. Если судебный диспут или транзакция все же оставляли документальный след, то неизбежно возникала формулировка о коллективном и единодушном («все лучшие», «весь шир», «вся сотня», «все тэны») решении собрания.

Наконец, должно усомниться и в третьем аргументе. Если предположить, что при решении судебных тяжб руководствовались королевскими законами или тем, что о них было известно, то кто мог быть лучшим их знатоком, чем королевские агенты, которые, либо имели на руках копии королевских указов, либо лично присутствовали при оглашении монаршей воли.

Можно предположить, как это часто делают, что судебные заседатели были знатоками «обычного», «неписаного» права: ведь большинство казусов – это тяжбы, относящиеся к областям договорного, земельного и наследственного права, о которых законодательство почти ничего не говорило. Однако современное состояние научных знаний [23] заставляет нас поставить вопрос: существовало ли вообще «обычное право» как более-менее когерентная совокупность норм, которыми можно было руководствоваться при рассмотрении ряда аналогичных дел?

Рассмотрим два казуса.

Первый – это тяжба между королем Альфредом Великим и неназванными лицами, которых мы можем с большой долей уверенности идентифицировать с его племянниками Этельвольдом и Этельхельмом [24]. Казус этот уникален. Во-первых, здесь мы имеем дело с публичным спором между родственниками по поводу раздела наследства. По-видимому, обычно такие дела решались внутри семьи или линьяжа. Во-вторых, в качестве стороны

в нем выступает король, который вынес спор на суд уитенагемота.

Суть дела состояла в следующем. Король Этельвульф завещал свое имущество (земли, деньги и драгоценности) трем сыновьям Этельбальду, Этельреду и Альфреду, но не разделив его, а указав, что тот, кто проживет дольше, унаследует все, что было оговорено в документе [25]. Это завещание было оформлено письменно и, вероятно, как это делалось всегда, засвидетельствовано королевскими советниками. Спустя несколько лет умер старший из братьев Этельбальд. Альфред предложил разделить имущество, однако Этельред убедил брата, что трудно будет разграничить и разделить само наследство и то, что было к нему присовокуплено за годы, прошедшие с момента, когда братья вступили во владение им, поэтому пусть наследство останется нераздельным, а переживший брата унаследует все сразу. Однако вскоре в Уэссекс вторглось войско викингов, и братья на уитенагемоте заключили новое соглашение: тот, кто выживет, даст детям другого то имущество, которое было приобретено братьями после составления Этельвульфом завещания.

В 871 г. умер Этельред, оставив после себя двух сыновей Этельвольда и Этельхельма. Однако сразу раздела не произошло. Во-первых, сам Уэссекс в тот момент находился на краю гибели под настиком отрядов викингов; во-вторых, почти наверняка, дети Этельреда не были на тот момент совершеннолетними.

Завещание Альфреда, которое и донесло до нас информацию о тяжбе, датируется 879–888 гг., следовательно, и сам судебный спор произошел в этот промежуток времени. Насколько можно понять из нашего источника, суть спора была в том, что от Альфреда требовали раздела отцовского наследства, в то время как обязательства, взятые в отношении племянников, были им исполнены, или, во всяком случае, он намеревался их исполнить [26]. Как доказательство своей правоты Альфред представил уитанам завещание своего отца. Этот довод показался тем крайне убедительным, и они присудили победу королю.

Разумеется, у этого судебного процесса была большая политическая подоплека. С высокой степенью вероятности можно утверждать, что уитенагемот принял бы сторону Альфреда вне зависимости от того, был он прав или нет. Но все же поставим вопрос: чем, кроме политической конъюнктуры, мог руководствоваться суд уитанов, разбирая дело? Были ли это какие-то правовые принципы или что-то другое?

При чтении документа сразу обращает на себя внимание различие имущества унаследованного и имущества приобретенного. По опыту других стран раннего средневековья мы знаем, что отчуждение первого было сопряжено с большими трудностями, чем второго [27]. Можно подумать, что здесь мы сталкиваемся с нормой обычного права, запрещавшей отчуждать достояние предков. Однако представляется более вероятным, что в данном случае речь шла не обо всем, что досталось Альфреду от отца, а о конкретной собственности, оговоренной в конкретном документе (в завещании Этельвульфа). Из того же завещания Альфреда, мы знаем, что отец оставил ему и его братьям еще какое-то имущество, помимо указанного в завещании [28]. Поэтому мы вправе предположить, что спорная собственность включала в себя совершенно определенный список недвижимости и драгоценностей, указанный в завещании короля Этельвульфа, а не все его наследство вообще. Обратим внимание и на то, что уитаны аргументировали свое решение не какими-то принципами наследования, а тем, что Альфред показал им завещание отца. Они сказали, что «они и представить себе не могут более справедливых прав, [чем у Альфреда], что они не услышали их и в завещании» [29].

По меньшей мере, необходимо признать этот случай неясным, а также высказать предположение, что обоснование судебного решения базировалось, выражаясь языком источника, на «представлении о справедливости», а не на определенных правовых, пусть и неписаных, принципах.

Второй казус содержится в «*Libellus Æthelwoldi episcopi*». Большинство земельных тяжб в «*Libellus*» типичны как для англосаксонской Англии, так и для всей раннесредневековой Европы. Некий благочестивый землевладелец дарил или продавал свою землю монастырю. Через некоторое время его наследники или наследники тех, у кого сам жертвователь купил землю, предъявляли на нее претензии.

Ситуация с неким Винси (*Wensius*) была наиболее запутанной. В свое время он продал землю Вульфстану из Далэма, королевскому герефе. От него земля перешла Этельвину, сыну Этельверда. У него землю выкупил король Эдгар и продал ее епископу Этельвольду, который и передал землю аббатству. Иск Винси был основан на том, что он якобы не получил за землю никаких денег от Вульфстана. К моменту диспута Вульфстана уже не было в живых, и его сторону представляла его вдова Вулфлед. Кроме нее в судебном собрании присутствовали элдормен Этельвин со своими

братьями, епископ Эшви, и все «советники Кембриджшира». Этельвин спросил, знает ли кто-нибудь, как Вульфстан приобрел спорные земли. Среди собравшихся оказался свидетель сделки, который подтвердил, что Вульфстан заплатил за участок 8 фунтов, и что последний денарий был передан продавцу в присутствии представителей от восьми сотен южного Кембриджшира, в каковой области и находится спорная земля. Далее суд постановил, что «епископ [Этельвольд] и аббат [Или Биртнот] должны владеть указанным участком, будучи свободными от исков. А если Винси и его родственники захотят потребовать какие-то деньги за него, то должны предъявить иск к наследникам Вульфстана, а не к другим [владельцам], поскольку они были уже четвертой рукой, но если бы они были третьей или второй, то дело обстояло бы точно также» [30].

Можно задать вопрос: нет ли здесь ссылки на принцип, что невозможно предъявлять имущественный иск ко «второй руке»? Или что спорная сделка состоялась слишком давно, чтобы предъявлять какие-либо претензии? Второй тезис отпадает сразу же: ведь суд ясно дал понять, что иск к наследникам Вульфстана вполне возможен [31].

Обратимся к первому тезису: существовало ли правило «второй руки»? Ряд других казусов из той же «Libellus» и из других источников предполагают, что нет. Например, возможность такого иска была предусмотрена в договоре Этельвольда с Генрихом из Уэнтеджа (Henricus de Waneting): если кто-либо вчинит иск аббатству по поводу земли, проданной ему Генрихом, то продавец и его наследники обязывались вернуть деньги [32]. Гипотетическое правило «второй руки» не сработало и в случае с 40 гайдами земли в Хатфилде. Этот участок был завещан обителю «могущественным мужем» Ордмером и его женой Эальте по настоянию и с одобрения короля Эдгара, который в свое время, по-видимому, пожаловал Хатфилд Ордмеру. Однако после смерти Эдгара элдормен Этельвин предъявил иск аббатству на том основании, что прежде земля эта принадлежала его отцу элдормену Этельстану и была «насиленно» (per violentiam) конфискована королем Эдгаром. И, надо отметить, элдормен получил полное удовлетворение своих притязаний [33]. В нашем распоряжении есть и казус с удовлетворением иска к «третьей руке» [34]. Сами представители Или тоже не апеллировали к тому, что они уже «четвертая», «третья» или «вторая» рука.

Выскажу предположение, что перед нами не мотивировка судебного решения в современном

понимании, т. е. оценка конкретной ситуации с позиций общих норм права, а своеобразное выражение судом своего видения справедливого решения конфликта: Винси не может предъявлять претензий ни к Или, ни к королю Эдгару, ни к Этельвину, а лишь только к Вульфстану и его наследникам, поскольку именно Вульфстан, возможно, был в данной ситуации не прав. Произойди этот спор сейчас, он считался бы судебным прецедентом, которому стали бы следовать другие суды, и из совокупности их решений по похожим делам можно было бы вывести какую-то норму. Однако уровень коммуникаций, который существовал в английском обществе того времени (под коммуникациями я имею в виду не столько технические приспособления, сколько социальные условия, обеспечивающие обмен информацией в обществе), не позволял отдельным казусам формировать правовые нормы. Собственно говоря, само решение суда, ситуационное видение им справедливости и было правом [35]. Обратившись к все той же «Libellus», мы обнаружим, что «lex» и «ius» здесь означают «суд», «решение суда». Так, Бегмунд из Холланда и его родственники захватили участок монастырской земли «sine iudicio et sine lege ciuium et hundrtanorum» [36], а епископ Этельвольд вызвал одного из обидчиков аббатства «in ius» [37].

Иными словами, «знатоки права», составлявшие судебную коллегия, трансформировавшуюся со временем в коллегия присяжных, не обладали никаким особенным знанием. Не оно выделяло их среди прочих полноправных членов местных сообществ, но наличие большого опыта судебной деятельности и, в силу этого, большого авторитета в глазах земляков. Опыт и авторитет, в свою очередь, были сопряжены с почтенным возрастом и солидным богатством, ибо только состоятельный человек мог позволить себе частое присутствие в суде.

Общий же вывод следующий. Несмотря на участие в судебном процессе коллегии присяжных заседателей, суд довольно плотно контролировался королевской властью и ее агентами (которые могли преследовать не только государственные, но и собственные интересы). Наличие присяжных не только не создавало помехи такому контролю, но, напротив, было обязательным условием его эффективности, поскольку связывало местное сообщество принятым решением, тем более, что решение это принимали лица, обладавшие богатством, влиянием и авторитетом. Не были таким препятствием и нормы обычного права, поскольку, очевидно, не

было и самого обычного права как некой обладающей внешней принудительностью стабильной совокупности норм. Присяжные руководствовались в принятии решений чувством справедливости, а не обычным правом. А это чувство, как и все прочие, подвержено конъюнктурным колебаниям и внешним влияниям.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. *Blackstone W.* Commentaries on laws and customs of England. – Vol. 4. – Chicago, 1979. – P. 343.
2. *Ibid.* – P. 400–436.
3. *Brunner H.* Entstehung der Schwurgerichte. – Berlin, 1872. – S. 87.
4. *Pollock F., Maitland F. W.* The history of English law before the time of Edward I: 2nd ed. – Cambridge, 1898. – Vol. 1. – P. 140–142; *Holdsworth W. S.* A history of English law. – Vol. 1. London, 1903. – P. 312–315.
5. *Vinogradoff P.* English society in the eleventh century. – Oxford, 1908. – P. 6–7.
6. *Stenton F. M.* Anglo-Saxon England. 3rd ed. – Oxford, 1971. – P. 510–513, 650–652; *Stenton D. M.* English justice between the Norman Conquest and the Great Charter. – London, 1965. – P. 17; *Turner R. V.* The origin of the medieval English jury // *Journal of British Studies.* – Vol. 7. – 1968. – P. 1–10.
7. *Turner R. V.* Op. cit. – P. 10.
8. *Caenegem R. C. van.* Public prosecution of crime in twelfth-century England // *Church and government in the Middle Ages.* – Cambridge, 1976. – P. 41–76; *Idem.* The birth of English Common Law. – Cambridge, 1988. – P. 62–84.
9. *Wormald P.* Maitland and Anglo-Saxon law: beyond Domesday book // *Proceedings of British Academy.* – Vol. 89. – 1996. – P. 10–12.
10. Прежде всего: *MacNair M.* Vicinage and the antecedents of the Jury // *Law and History Review.* – Vol. 17. – 1999. – P. 537–590. О локальных сообществах и связанной с ними правовой практике: *Clanchy M.* From memory to written record. England, 1066–1307. – Cambridge, 1979; *Colman R. V.* Reason and unreason in early medieval law // *Journal of interdisciplinary history.* – Vol. 4. – 1974. – P. 571–591; *Reynolds S.* Kingdoms and communities in Western Europe. – Oxford, 1996. – P. 23–34.
11. The settlement of disputes in Early Medieval Europe / Ed. by *W. Davies & P. Fouracre.* – Cambridge, 1986. – P. 220–221.
12. *Блок М.* Апология истории. Ремесло историка. – М., 1973. – С. 20–23.
13. *Петрушевский Д. М.* Очерки из истории средневекового общества и государства. – СПб., 2003. – С. 270–272, 288; *Pollock F., Maitland F. W.* Op. cit. – Vol. 1. – P. 40–42; *Берман Г. Дж.* Западная традиция права. Эпоха формирования. – М., 1998. – С. 78. О франках: *Sohm R.* Der Prozess der Lex Salica. – Weimar, 1867; *Чельцов-Бebutov M. A.* Курс уголовно-процессуального права. – СПб., 1995. – С. 169.
14. Тацит. Германия, 12: «С избобличенных взыскивается определенное количество лошадей и овец. Часть наложенной на них пени передается царю или племени, часть – пострадавшему или его родичам».
15. О переоценке таких понятий как *bot*, *botleas*, *wergild* см.: *Rubin S.* The bot, or composition in Anglo-Saxon law: a reassessment // *Legal History.* – Vol. 17. – 1996. – P. 144–154; *Wormald P.* Giving God and king their due // *Wormald P.* Legal culture in the Early Medieval West. Law as text, image and experience. – London, 1999. – P. 338–342.
16. *Ine*, 8; *Iudex*, 8–10 (здесь и далее ссылки на англосаксонские законы даются на классическое издание *Ф. Либерманна: Die Gesetze der Angelsachsen / Hg. von F. Liebermann.* – Bd. 1. Text und Übersetzung. – Halle, 1903; сокращения приведены согласно этому изданию).
17. *Асепр.* Жизнь Альфреда Великого // *Стасюлевич М. М.* История средних веков в ее писателях и исследованиях новейших ученых: 4-е изд. – Пг., 1915. – Т. 2. – гл. 105–106.
18. *I Ew., Pr.:* «Eadwerd cyning byt ðam gerefum eallum, ðaet ge deman swa rihte swag e rihtoste cunnon, and hit on ðaere dombec stande».
19. Anglo-Saxon charters. An annotated list and bibliography / Ed. by *P. H. Sawyer.* – London, 1968. – № 1507 (далее “S” и номер грамоты). Уитенагемот рассуживал Альфреда Великого и его племянников. Король обратился к уитанам без прития лиц «провозгласить то, что правильно», «объявить народное право» (*riht spræcon, þæt folcriht arehton*). S 1454 (тяжба Винфлед и Леофвина). Этельред II обратился к суду Беркшира с предписанием «решить дело настолько справедливо, как это возможно» (*rihtlice geseman swa him aefre rihtlicost þuhte*).
20. Так, элдормен Этельвин круто повернул ход земельной тяжбы в собрании Кембриджшира в пользу братии аббатства Рамси, которому он покровительствовал (*Chronicon abbatiae Rameseiensis / ed. by W. D. Macray.* – London, 1886. – cap 49).
21. Так, епископ Этельвольд отсудил в пользу аббатства Или землю в Брендоне против желания элдормена Этельвина (*Liber Eliensis / Ed. by E. O. Blake.* – London, 1962. – liber II, cap. 35).
22. Наиболее рельефно роль коллективной памяти сообществ широв и сотен видна в «Книге Страшного суда». См.: *Fleming R.* Domesday Book and the law. – Cambridge, 1998. – P. 53–67. О роли устных свидетельств в «*Libellus Æthelwoldi episcopi*» см.: *Kennedy A.* Law and litigation in the “*Libellus Æthelwoldi Episcopi*” // *Anglo-Saxon England.* – Vol. 24. – 1995. – P. 156–161, 168–173.
23. *Kroeschell K.* “*Rechtsfindung*”. Die mittelalterlichen Grundlagen einer modernen Vorstellung // *Festschrift für H. Heimpel.* – Vol. 3. – Göttingen, 1971. – S. 498–517; *Reynolds S.* Kingdoms and communities. – P. 15–21; *Nelson J.* Dispute settlement in Carolingian West Francia // *The settlement of disputes in Early Medieval Europe.* – Cambridge, 1986. – P. 62–63; *Kennedy A.* Op. cit. – P. 177–183.

24. S 1507.

25. П. Уормальд (Wormald P. "On þa waepnedhealfe": kingship and royal property from Æthelwulf to Edward the Elder // Edward the Elder. – London; New York, 2001. – P.268) предполагает, что Этельвульф поставил такие условия в завещании с целью оградить младших сыновей (Этельреда и Альфреда) от посягательств старших (Этельбалда и Этельберта). По мнению исследователя, здесь имелась в виду и стратегическая цель: не допустить распыления собственности королевского дома.

26. А. Г. Глебов пишет, что по завещанию Альфреда Этельвольду и Этельхельму было выделено по 100 манкузов золотом, «более чем скромная наследственная масса» (Глебов А. Г. Альфред Великий и Англия его времени. – Воронеж, 2003. – С. 128). На самом деле племянники короля получили на двоих 11 поместий, что вполне сопоставимо с долями сыновей Альфреда (15 поместий Эдуарду и 17 – Этельверду). См.: S 1507. Как указывает П. Уормальд (Wormald P. "On þa waepnedhealfe"... – P. 270), среди отданного племянникам фигурировало и поместье Стейнинг (Staening, Steyning) в Суссексе, где покоился прах Этельвульфа. Трудно представить, чтобы Альфред отдал это место племянникам, иначе, чем соблюдая взятые на себя обязательства.

27. См.: Reynolds S. Fiefs and vassals. – Oxford, 1994. – P. 76–77.

28. S 1507: «þara landa þe unc Aðulf cinge forgeaf be Aðelbolde lifendum».

29. S 1507: «þæt hy nan rihtre riht gepencan ne mihtan, ne on þam yrfegewrite gehyran».

30. Liber Eliensis, II, 34: «ut episcopus et abbas duas hydas in Suafham sine omni calumpnia haberent et pro libitu potirerunt; si autem Wensius aut cognate sui pecuniam aut aliud pretium pro illa terra amplius exigere voluissent, ab heredibus Wlstani et non ab alio illud exegissent. Terra enim illa fuit modo in quarta manu et, quamvis esset in tertia vel in secunda manu, similiter facere debuissent».

31. Несмотря на, казалось бы, неоспоримое свидетельство в пользу Вульфстана. По всей видимости, Вульфстан при жизни обладал слишком дурной репутацией из-за злоупотреблений своей властью (см.: Kennedy A. Op. cit. – P. 146), что после его смерти и смерти его покровителя короля Эдгара вызвало закономерные проблемы у его наследников. Любая сделка с его участием могла быть поставлена под сомнение.

32. Liber Eliensis, II, 46.

33. Liber Eliensis II, 7.

34. S 1456.

35. Еще К. Крешель писал: «То, что знали знатоки права, насчет дела, то и было правом (lex). Это знание не просто соответствовало праву, но и было правом» (Kroeschell K. Op. cit. – S.512).

36. Liber Eliensis, II, 24.

37. Liber Eliensis, II, 11.